

Руслан Самигуллин

НОЧНАЯ СМЕНА

ЗДЕСЬ МЁРТВЫЕ ГОВОРЯТ ГРОМЧЕ,
ЧЕМ ЖИВЫЕ

Руслан Самигуллин

Ночная смена

<https://litres.ru/74231288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина устраивается на ночные смены в старый морг, рассчитывая лишь на спокойную работу и хорошую оплату. Но вскоре понимает, что у этого места есть свои правила, о которых не пишут ни в одной инструкции.

Здесь нельзя отвечать на голоса из вентиляции. Нельзя заходить в холодильную камеру после полуночи. Нельзя верить тому, что видишь в тёмных коридорах. И главное — нельзя соглашаться на тринадцатую смену.

Пытаясь разобраться в происходящем, Алина находит старые записи и узнаёт, что странные события в морге происходят уже не первый десяток лет. За ними стоит тайна, которую кто-то отчаянно пытался сохранить, а кто-то — передать дальше.

Руслан Самигуллин

Ночная смена

АКТ ПЕРВЫЙ: ПЕРВАЯ НОЧЬ

Смена начиналась в двадцать три ноль-ноль.

Алина Морозова вышла из маршрутки на остановке «Областная больница» в четверть одиннадцатого — специально пораньше, чтобы успеть покурить и собраться с мыслями. Мокрый снег, который в Челябинске не считается ни снегом, ни дождём, а просто называется «погодой», лепил ей в лицо с той методичностью, с какой город напоминал о собственном характере. Не злобно. Без личной обиды. Просто так устроен мир.

Она застегнула верхнюю пуговицу пальто и посмотрела на здание.

Морг при областной больнице стоял чуть в стороне от основного корпуса — хлипкое строение тридцать первого года постройки, надстроенное в пятьдесят четвёртом и снова расширенное в семьдесят девятом. Тогда же в подвале установили печи для кремации тех, кого не забрали родственники. Руководство решило, что это гуманнее, чем безымянные могилы.

Три эпохи слепились в одном здании и будто не желали мириться друг с другом. Довоенный кирпич, сталинский бетон, брежневские панели. Всё это покрывала облупившаяся

краска цвета больной зелени — не изумрудной, не оливковой, а той мёртвой казённой зелени, которую, кажется, смешивали специально, чтобы лишить людей воли к жизни.

Над служебным входом горела единственная лампочка. Жёлтая. Под ней кружила мошкара — откуда она в октябре, непонятно.

Алина докурила, затоптала окурок и потянула дверь.

Виктор Сергеевич Лазарев встретил её в коридоре.

Ему было около шестидесяти пяти, хотя с тем же успехом могло оказаться и семьдесят. Он принадлежал к тем людям, у которых старость наступает рано и потом очень долго не меняется. Высокий, узкоплечий, в несвежем халате поверх свитера. Лицо — усталое, с выражением человека, давно переставшего чему-либо удивляться.

— Морозова, — произнёс он, то ли утверждая, то ли проверяя. — Алина.

— Да.

— Я Виктор Сергеевич. Мы говорили по телефону.

Руку он не протянул. Посмотрел на неё, не в глаза, а куда-то ниже — в район ключиц, как смотрят на человека, когда избегают прямого взгляда, но не считают нужным это скрывать.

— Пойдём, покажу тут всё.

Коридор был длинным и плохо освещённым. Лампы днев-

ного света через одну не горели, остальные работали с едва заметным мерцанием, которое сначала не замечаешь, но через час от него начинает болеть голова. Пол — старая плитка в мелкую клетку, местами треснувшая, местами заменённая кусками другой, не совпадавшей по цвету. Стены — всё тот же зелёный, прикрытый пожелтевшими бумагами с приказами и объявлениями восьмидесятых и девяностых годов.

Пахло формалином, хлоркой и чем-то ещё — сыростью или просто временем, которое здесь пропитало даже бетон.

Где-то высоко в стенах гудела вентиляция. Низко и ровно. — Вот раздевалка, — сказал Лазарев, толкнув дверь. — Халаты на верхней полке. Перчатки в ящике. Бахилы там же.

Алина заглянула внутрь. Небольшая комната, три шкафчика, умывальник с мутным зеркалом. В отражении её лицо выглядело бледнее обычного, а тёмные круги под глазами она давно перестала маскировать.

— Дальше — рабочие помещения. Первая комната — подготовительная, там ты будешь работать. Вторая — холодильная. Туда заходить только при необходимости. Лифт — вон там, в торце. Грузовой.

Алина кивнула.

— В подвал самостоятельно не ходи. Там печи. Если возникнет необходимость — скажешь мне.

Он сделал короткую паузу.

— Архив — крайняя дверь справа. Секция А — обычные карточки, если понадобится что-то найти по базе. Секция Б

заперта. Ключа у тебя нет. И не нужен.

Последнюю фразу он произнёс без нажима, просто как констатацию. Но именно в этот момент Алина впервые почувствовала, что говорит он с небольшим напряжением в голосе.

— Понятно.

— Смена до половины девятого утра. Дневная бригада приходит в семь. Патологоанатом — в восемь. До этого времени ты здесь одна.

— Всегда один дежурный ночью?

— Всегда.

Он прислонился плечом к косяку.

— Днём здесь четверо: я, два санитара и лаборант. Ночью хватает одного. Так ещё с пятьдесят четвёртого года заведено. Больница за это время сэкономилла, наверное, целое отделение.

Алина снова кивнула. Обычная больничная арифметика. Хоть и странная.

— Если что-то непонятно или случится нештатная ситуация — мой номер на стенде.

Он кивнул на пробковую доску у двери.

— Но ты справишься. Работа простая.

Он сказал это спокойно, без иронии.

Тогда Алина не придавала словам значения. Ночной дежурный в одиночку — стандартная практика. В хирургии, где она работала раньше, бывало так же: ты, пустой коридор и

тихие палаты.

— Сегодня одно поступление. Мужчина, пятьдесят два года, инфаркт. Документы на столе. Процедура стандартная. Вы наверняка всё это изучили ещё на подготовительных курсах перед тем как быть рекомендованной в наш скромный коллектив.

Лазарев впервые посмотрел ей прямо в глаза.

— Если что-то покажется странным — лучше спроси сразу.

— Я справлюсь, — сказала Алина.

Мужчина коротко кивнул и направился по коридору к раздевалке. Его шаги почти не звучали на старой плитке.

Первые два часа прошли почти незаметно.

Алина переоделась, изучила документы и подготовила всё необходимое. Работа в больнице была ей не в новинку — три года санитаркой в хирургическом отделении приучили её не бояться человеческого тела. Конечно, здесь всё ощущалось немного иначе, но не настолько, чтобы выбить из колеи. По крайней мере, пока.

Мужчину звали Геннадий Иванович Попов. Пятьдесят два года. Инфаркт миокарда.

Лицо у него было обыкновенным — оплывшим, с серыми щеками и выражением полного, окончательного покоя, который бывает только у мёртвых. Живые так не выглядят,

сколько бы ни старались.

Алина работала методично, стараясь не думать ни о чём постороннем. Это она умела. Терапия не научила её чувствовать себя лучше, но научила выстраивать внутри что-то вроде стеклянной перегородки.

Вентиляция гудела.

Где-то в здании капала вода — размеренно, через равные промежутки.

В час сорок ночи она потянулась за ручкой, чтобы сделать запись в журнале, и заметила кровь под ногтями Попова.

Алина остановилась.

Тёмная, запёкшаяся кровь забилась под ногти так, как бывает у людей, которые долго скребут что-то твёрдое.

Инфаркт. Она сама читала документы.

Алина натянула новую перчатку, осторожно приподняла кисть и осмотрела внимательнее. Ногти были коротко острижены — она запомнила это ещё раньше. И кровь выглядела слишком свежей.

— Мало ли, — тихо сказала она себе.

Эта фраза давно стала чем-то вроде заклинания.

Девушка сделала запись в журнале:

«Обнаружены следы крови под ногтями. Занесено в протокол.»

И в этот момент старое радио на полке — маленький пыльный «Океан», который, судя по виду, никто не включал много лет, — вдруг зашипело.

Алина резко обернулась.

Радио не было подключено к сети. Шнур лежал рядом, свёрнутый кольцом.

Шипение длилось несколько секунд, потом стихло.

— Какого чёрта? — прошептала она, но всё вокруг вновь погрузилось в тишину и стало как будто «нормальным».

Алина медленно повернулась обратно.

Геннадий Иванович всё так же невидящим взглядом смотрел в потолок.

И всё же что-то изменилось. Она не могла понять, что именно. Уголки губ. Тени под глазами. Выражение лица стало другим — едва заметно.

Может, изменился свет. Может, она просто слишком долго смотрела.

— Мало ли, — повторила Алина уже про себя.

И слышала шаги.

Вышла в коридор.

Пусто.

Только длинный жёлтый свет, зелёные стены и гул вентиляции.

Алина постояла, прислушиваясь.

Ничего.

Она дошла до грузового лифта. Металлические двери с облезшей краской, кнопки с выдавленными цифрами. Лифт стоял на месте.

На обратном пути Алина заглянула в холодильную каме-

ру. Помещение было разделено на секции. В трёх из шести лежали тела — прикрытые простынями, с бирками на ногах. Она сверилась с журналом.

Всё совпадало.

Почти.

Не сразу стало понятно, что именно тревожит взгляд. Всё оставалось прежним: холодный свет, металлический блеск столов, тяжёлый запах антисептика.

Потом Алина заметила.

Тело в третьей секции лежало немного иначе.

Простыня была натянута по-другому. Плечо будто сместилось. А кисть находилась чуть ближе к краю стола.

Совсем немного.

Но Алина точно помнила: раньше пальцы лежали ровно вдоль бедра.

Теперь кисть была слегка согнута, будто человек перед смертью пытался за что-то ухватиться.

Она простояла перед секцией почти минуту.

Холод медленно оседал на коже.

Потом взяла журнал и написала:

«Проверено. Всё в норме.»

Почему именно это — Алина и сама не знала.

В три часа ночи Алина сидела в комнатке для персонала с бумажным стаканчиком кофе из автомата и смотрела в окно.

За окном шёл мокрый снег — тяжёлый, вязкий, больше похожий на холодный дождь с ледяной крошкой. Он лип к стёклам, таял серыми разводами и тут же сменялся новыми хлопьями. Жёлтые фонари на больничной территории превращали снег в мутное золотое марево: ветер гнал его почти горизонтально, вдоль пустых дорожек и припаркованных машин, будто он не падал с неба, а метался между корпусами в поисках выхода.

Асфальт блестел от воды. У дальнего забора мигала лампа над служебными воротами, то вспыхивая ярче, то снова уходя в тусклую дрожь. Голые ветки тополей царапали темноту, и от этого движения казалось, будто кто-то медленно ходит вдоль окон.

А где-то далеко, за больницей, за спальным районом с одинаковыми серыми многоэтажками, за чёрными линиями железнодорожных путей, гудел завод. Низко, протяжно, почти на грани слышимости. В Челябинске этот звук был всегда — днём и ночью, зимой и летом. Он впитывался в стены, в воздух, в сон, становился частью города, его скрытым пульсом, тяжёлым металлическим дыханием. Обычно люди переставали его замечать уже через пару недель. Но стоило однажды прислушаться по-настоящему — и гул начинал преследовать тебя повсюду. В тишине квартиры, в пустом дворе, в больничных коридорах среди ночи. Будто сам город никогда не спал.

Алина смотрела на снег и думала об Илье.

Это случилось ночью. Днём она умела себя контролировать. Ночью — не всегда. Особенно в первые несколько минут после того, как принимала таблетку — антидепрессант плюс снотворное, которое помогало плохо, но без него было хуже. Эти несколько минут, пока химия ещё не взяла своё, были самыми честными и самыми страшными.

Илье сейчас было бы двадцать три — мог бы заканчивать университет, спорить о смысле жизни, влюбляться не в тех. Но его не стало в восемь: летнее утро, вода, один неосторожный шаг. Она была рядом — девочка, которой только исполнилось двенадцать. До сих пор помнит, как кричала, как пыталась достать, как потом не могли откачать. Этого мига хватило, чтобы навсегда поселить в ней чувство вины — глухого, невыносимого, будто она сама толкнула. И одновременно этого оказалось слишком мало, чтобы хоть что-то изменить, поправить, выменять его жизнь на свою.

Она допила кофе, хотя тот был горьким, жидким и отдавал палёной пластмассой — автомат в подсобке похоже не чистили годами. Но терпеть эту горечь казалось единственным нужным делом за всю ночь.

В пять утра пришёл Лазарев.

Она не услышала его шагов — только почувствовала сквозняк от входной двери и лёгкий запах улицы: мокрого снега, табака и чего-то морозного, что приносят с собой люди, долго простоявшие на холоде. Обернулась — он уже стоял в дверном проёме рабочей комнаты, в том же выцветшем

и покрытом желтизной халате, который помнил ещё прошлое десятилетие — на локтях он был застиран почти до дыр, а воротник свитера под ним торчал неровно, будто Лазарев одевался впотьмах, не глядя в зеркало.

Он не поздоровался. Прошёл к столу, где лежал раскрытый журнал дежурств, наклонился над ним — не сядясь, просто упёршись костяшками пальцев в столешницу — и стал читать. Медленно. Провёл указательным пальцем по строчкам сверху вниз.

Дошёл до записи про кровь под ногтями Попова. Задержался. Алина заметила, как палец на мгновение замер — не дрогнул, просто остановился, — а потом двинулся дальше, к следующей строке. Он ничего не сказал по этому поводу. Дочитал до конца, до последней пометки «Проверено. Всё в норме», хмыкнул почти неслышно и кивнул — сам себе, не ей, будто подтверждая какой-то внутренний, давно составленный список.

— Хорошо сработала, — произнёс он, не поднимая головы от журнала.

— Спасибо, — ответила Алина.

Она сидела за соседним столом, разбирая последние бумаги перед сдачей смены, и не видела в его словах ничего, кроме обычной формальности — так говорят охраннику после ночи, так говорят дежурному врачу. Пустая вежливость, ничего личного.

— Завтра в то же время.

Он закрыл журнал, но не ушёл. Постоял немного у стола, будто забыл что-то, потом медленно направился к двери — и там задержался, положив ладонь на косяк, словно опираясь. Плечи у него были опущены сильнее обычного, а сама поза — чуть скособоченная, усталая — придавала ему вид человека, который несёт что-то тяжёлое и уже давно перестал этого замечать.

— И ещё, — сказал он.

Взгляд как обычно ушёл куда-то в стену — в точку чуть правее её плеча, туда, где висела пробковая доска с номерами телефонов и пожелтевшим приказом восемьдесят какого-то года. Смотрел долго, слишком долго для пустой стены, и в этом было что-то, отчего у Алины по спине пробежал холодок, хотя она тогда ещё не могла бы объяснить, почему.

— Если следующий раз услышишь что-то странное — старайся не обращать внимания. Здание старое. Трубы, дерево, пустота. Звуки здесь любые бывают.

Голос звучал ровно, отработанно — как фраза, которую произносили уже много раз, разным людям, в разные годы, и от многократного повторения она стёрлась, потеряла интонацию, стала похожа на инструкцию по технике безопасности. «Соблюдайте осторожность при работе с реактивами». «Звуки здесь любые бывают».

Алина подняла взгляд — усталый, колючий.

— Какие именно звуки?

Вопрос повис в воздухе.

Лазарев помолчал. Пальцы на косяке чуть сжались — она заметила побелевшие костяшки, — а потом разжались снова. — Разные, — повторил он.

И в этом единственном слове, в том, как он его произнёс — без интонации, без попытки успокоить, без того лёгкого профессионального пренебрежения, каким обычно отмахиваются от вопросов новичков, — прозвучало то, что не положено говорить в инструкциях. Что-то, что живёт под словами, а не в них. Алина не могла бы сформулировать это тогда — только почувствовала, коротко и неприятно.

Он ничего не добавил.

Несколько секунд Лазарев ещё стоял в проёме — молча, глядя в ту же точку на стене. Потом коротко кивнул, скорее себе, чем ей, повернулся и вышел в коридор.

Алина слышала его шаги — медленные, шаркающие, удаляющиеся в сторону раздевалки, — а затем щелчок замка. Не резкий, не громкий.

Мягко, как захлопывается крышка гроба.

АКТ ВТОРОЙ: ИСКАЖЕНИЕ

На третью ночь Алина нашла аудиокассету.

Та валялась в дальнем углу нижней полки в комнате для персонала — маленькая, советская, TDK-90, с бумажным ярлыком. На ярлыке было написано что-то от руки, синей шариковой ручкой: «Смена 13. Ноябрь 87.»

Алина повертела её в руках. Там же, на полке, обнаружился старый кассетник — «Весна», тяжёлый, с поцарапанной крышкой. Она открыла его, вставила кассету. Нажала «Play».

Долгое шипение. Потом — голос. Мужской, молодой, немного нервный. Говорил быстро, как будто боялся не успеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.